

УДК 130.2:316.73

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-4-50-59

Культурная идентичность Центральной Азии: постколониализм или неоколониализм?

М. Н. Чистанов

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия*

Аннотация

Рост числа добровольных и вынужденных мигрантов создает проблемы в сфере сохранения культурной идентичности стран и территорий Центрально-Азиатского региона. Целью статьи является анализ возможных рисков в социальной и духовной сфере народов региона при реализации проекта Евразийского транспортного коридора. Опыт Синцзяна и Тибета подсказывает, что, столкнувшись с проблемой институционального или культурного конфликта в Центральной Азии, китайская сторона не будет пытаться вникнуть в возникшие противоречия в культурной идентификации жителей подконтрольных территорий. Наиболее уязвимыми с точки зрения воздействия этнокультурной политики китайской стороны становятся самые бедные страны региона: Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан. Россия и Казахстан должны опасаться увеличения потока мигрантов из данных стран, поскольку они в силу длительного культурного взаимодействия и наличия многочисленных центральноазиатских диаспор могут оказаться для населения данных территорий более привлекательными, нежели оказавшиеся под китайским протекторатом районы традиционного проживания.

Ключевые слова

культурная идентичность, этническая идентичность, миграционные процессы, межкультурное взаимодействие, Центральная Азия, Китай, Новый Шелковый путь, постколониализм, неоколониализм

Для цитирования

Чистанов М. Н. Культурная идентичность Центральной Азии: постколониализм или неоколониализм? // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 4. С. 50–59. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-4-50-59

The Cultural Identity of Central Asia: Post-Colonialism or Neocolonialism?

M. N. Chistanov

*Khakass State University
Abakan, Russian Federation*

Abstract

Growing migration in Central Asia creates problems for maintaining the cultural identity of the countries and territories of the region. The purpose of article is the analysis of possible risks in the social and spiritual sphere of the people of the region related to the implementation of the project of the Eurasian transport corridor. The experience of Xingjiang and Tibet shows that at collision with the institutional or cultural conflict in Central Asia, the Chinese side will not try to solve contradictions in cultural identification of inhabitants of controlled territories. The most vulnerable in terms of influence of ethnocultural policy of the Chinese side are the poorest countries of the region: Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan. Russia and Kazakhstan have to be afraid of an increase in a flow of migrants from these countries as they, owing to long cultural interaction and presence of numerous Central Asian diasporas, can be more attractive for the population of these territories than the areas of traditional accommodation which found themselves under the Chinese protectorate.

Keywords

cultural identity, ethnic identity, migration processes, cross-cultural interaction, Central Asia, China, New Silk Road, post-colonialism, neocolonialism

For citation

Chistanov M. N. The Cultural Identity of Central Asia: Post-Colonialism or Neocolonialism? *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 50–59. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-4-50-59

В данной статье нами делается попытка объединить для анализа две традиционные для постсоветской социальной науки проблемы: проблему сохранения культурной идентичности народов и регионов Центральной Азии в условиях резко возросшего миграционного трафика, а также проблему возможных социокультурных последствий для государств региона и приграничных территорий от реализации глобального проекта “One Belt One Road”, инициированного правительством Китайской Народной Республики в 2013 г.¹ Общеизвестным фактом является то, что после развала Советского Союза на территории, ранее представлявшей собой единое экономическое и политическое пространство, возникает сильнейший дисбаланс в распределении производственных, сырьевых и челове-

¹ Отчасти данная статья является продолжением нашего более раннего исследования [Чистанов и др., 2018].

ческих ресурсов. Это приводит к возникновению одного из крупнейших в современной мировой практике миграционных очагов. Миграция в данном случае носит в первую очередь экономический характер, однако наличие длительного (в большинстве случаев) исторического бэкграунда не позволяет рассматривать миграционные процессы в Центральной Азии по аналогии с миграционными процессами в Европе и Америке (см., например: [Ким, 2017; Крестьянова, 2016; Хамидулин, 2016]). Формирование устойчивых каналов просачивания трудовых мигрантов из независимых государств Центральной (в советское время называемой Средней) Азии, где экономическая ситуация оказалась наиболее тяжелой, в относительно благополучные Россию и Казахстан, произошло по историческим меркам почти мгновенно. «В настоящее время между Россией и странами Центральной Азии сформировался устойчивый миграционный “мост”, который характеризуется масштабными миграционными потоками и устойчивой географической направленностью. Страны Центральной Азии в перспективе являются наиболее реальными поставщиками трудовых ресурсов для России. Иными словами, Россия и страны Центральной Азии сформировали мощную миграционную систему, характеризующуюся крупномасштабной трудовой миграцией» [Ким, 2017. С. 134].

Рост числа добровольных и вынужденных мигрантов создает определенные проблемы в сфере сохранения культурной идентичности стран и территорий Центрально-Азиатского региона (см., например: [Аксютин, 2016; Анжиганова, Топоева, 2017]). Тем не менее, данные негативные явления могут показаться весьма незначительными издержками по сравнению с возможными глобальными последствиями в случае реализации проекта “One Belt One Road”, или «Нового шелкового пути». Целью статьи как раз и является анализ возможных рисков в социальной и духовной сфере для государств и народов Центральной Азии и приграничных территорий при реализации проекта Евразийского транспортно-го коридора ².

Китайский мегапроект «Один пояс, один путь» – один из самых амбициозных инфраструктурных проектов не только для последних десятилетий, но и в масштабах истории человечества вообще. О его экономическом и общекультурном значении для населения Евразии и человечества в целом очень любят говорить политики, общественные деятели и ученые, особенно в странах, непосредственно включенных в структуру осуществляемых в рамках проекта преобразований. Конечно, больше и красивее всего о преимуществах «Одного пояса, одного пути»

² Представленное исследование базируется на принципах мир-системного анализа в версии Андре Гундера Франка, а также методологии постколониальных исследований, сформированной в работах Эдварда Саида, Дипеша Чакрабарты, Гаятри Спивак и др.

говорят китайские исследователи: «В настоящее время “Один пояс, один путь” призван восстановить утраченный в результате подобного непропорционального развития баланс. Это подразумевает развитие западных регионов, а также стран Центральной Азии, Монголии и других континентальных держав, что будет способствовать росту востребованности идей инклюзивной глобализации. В то же время с помощью “Одного пояса, одного пути” Китай продвигает на запад свои первоклассные производственные возможности и поощряет промышленное производство, предлагая расположенным вдоль рассматриваемого пути государствам воспользоваться выгодами такого сотрудничества. Таким образом, Китай изменяет исторически устоявшуюся модель, при которой расположенные вдоль трассы Шёлкового пути государства являлись всего лишь посредниками в торговых и культурных обменах между странами Запада и Востока, что, в свою очередь, привело к закреплению за ними образа “низменного болота” с точки зрения развития. Такая политика помогает преодолеть разрыв между бедными и богатыми и сгладить неравномерность развития отдельных регионов мира, порождённую принятой на вооружение европейцами моделью глобализации, и в конечном итоге способствует строительству более справедливого, безопасного, процветающего и гармоничного мира» [Ван, 2016. С. 78–79].

Вместе с тем наряду с восторженными ожиданиями в литературе по вопросу присутствуют и скептические позиции. Практически все исследователи проблемы построения «Нового Шелкового пути» сходятся в том, что не существует совершенно однозначной трактовки содержания данного мегапроекта. Отчасти это связано с тем, что сама презентация проекта официальными представителями Китайской Народной Республики проходила фрагментарно, несколько раз, в разное время и в совершенно разных местах. Мало того, сам проект представляет собой не одну магистраль или направление, а целый веер различных транспортных путей разного типа: комплекс железнодорожных, автомобильных и морских трасс, зачастую вообще не связанных или мало связанных друг с другом. «Концепция “экономического пояса” вносит новизну и в модель межрегионального экономического сотрудничества, в том числе посредством создания таких экономических коридоров, как Китай – Россия – Монголия, Китай – Средняя Азия, Бангладеш – Китай – Индия – Бирма, Китай – Индокитай, “Новый евразийский мост”, “Морской экономический коридор”» [Там же. С. 80].

Неудивительно, что в условиях плановой экономики и исторически сложившегося неравномерного развития различных регионов Китая для многих китайских чиновников на местах заявленный государством суперпроект становится лишь способом решить местные проблемы за государственный счет, а привязанность конкретных новых объектов региональной экономики к теме «Одного

пояса, одного пути» в ряде случаев оказывается чисто формальной. По мнению одного из самых активных российских исследователей современного Китая Ивана Зуенко, «ведущим мотивом всей концепции Нового Шёлкового пути является развитие трансконтинентальной логистической инфраструктуры. Это вынуждает едва ли не каждый китайский регион регулярно рапортовать об успехах в открытии или модернизации транспортных маршрутов “Восток-Запад”. Однако, как показывает практика, все эти маршруты оказываются убыточными, и ради поддержания их существования местные администрации, заинтересованные в сохранении витрины своих “успехов” вынуждены их фактически субсидировать» [Зуенко, 2016. С. 9].

В условиях отсутствия единого видения даже у инициаторов проекта приходится мириться с тем, что каждая из заинтересованных сторон (а в рамках нашей статьи речь идет прежде всего о государствах Центральной Азии, России и Казахстане) в концепте «Одного пояса, одного пути» видит то, что хотелось бы видеть именно ей. Более того, даже ставшая привычной метафора «Нового Шелкового пути» в конечном счете становится скорее лозунгом, направленным на формирование внеконфессиональной консолидирующей идеи для центральноазиатских участников проекта, нежели отражением его подлинной сущности. «Среди материалов, публиковавшихся по теме “Пояса и Пути” в указанные годы, подавляющее большинство имело общепознавательный характер и было направлено на то, чтобы в общих чертах объяснить аудитории, что такое “Пояс и Путь”, “как он пройдет” и, условно говоря, стоит ли этого бояться. При этом отсутствие четких вводных по поводу проекта со стороны КНР стимулировало весьма широкие интерпретации проекта» [Зуенко, 2018. С. 124].

Ничего удивительного, что каждая из стран региона (и Россия и Казахстан здесь не исключение) начинает рассматривать проект «Пояса и Пути» как некоторую золотую рыбку, которая мановением хвоста приведет многочисленных китайских, а может быть, и европейских и американских инвесторов. В свою очередь, толпящиеся инвесторы застроят дотоле пустынные земли высокотехнологичными заводами, фабриками, аэропортами, автобанами и прочими атрибутами высокоразвитого общества. В целях обоснования своей значимости для реализации проекта заинтересованные стороны активно используют исторические и мифологические нарративы. В частности, для включения в сферу «Пояса и Пути» трактовых путей Сибири и Забайкалья в последние годы в российских приграничных регионах (Алтай, Тыва, Хакасия, Бурятия, Забайкальский край) активно муссируется тема «Древнего чайного пути», сопоставимого по своим масштабам с собственно Шелковым путем. Безусловно, существование самого Чайного пути из Южного Китая через Монголию, Забайкалье, Сибирь, европей-

скую Россию в Европу – общепризнанный исторический факт, однако совпадение по времени анонса проекта «Пояса и Пути» с началом продвижения «Сибирского чайного пути» вряд ли является простой случайностью.

Забавно, но появление многочисленных нарративов, призванных обосновать особое, даже центральное место отдельных государств и территорий региона в проекте «Пояса и Пути», фактически выполняет противоположную функцию, закрепляя их подчиненное положение в системе, центром которой становится отныне не Европа, но Китай. Это проклятие, которое Андре Г. Франк называет “Development of Underdevelopment” (см., например: [Кау, 2011]), оставляющее Центральную Азию вечной периферией в динамически меняющейся мир-системе. В любом случае «в пространственном отношении как казахстанские, так и российские эксперты солидарны в том, что «ядро» инициативы – Центральная Азия. Другим общим моментом является тезис о том, что реализация инициативы «Пояса и Пути» неизбежно приведёт к укреплению в данном регионе Китая» [Зуенко, 2018. С. 126]. Иными словами, пытаясь порвать со своим прежним зависимым положением (Россия в своем стремлении освободиться от вечной оглядки на Европу и Америку, страны СНГ – от оглядки на Россию), на обломках колониального дискурса страны региона строят дискурс неоколониальный, только теперь в роли метрополии выступает еще вчера казавшийся навсегда отставшим Китай, уверенно выходящий на лидирующие мировые позиции.

Изменение фокуса силы в регионе заставляет нас по-новому взглянуть на проблему социокультурных последствий миграционных процессов в Центральной Азии. Усиление китайского влияния в регионе становится неизбежным следствием реализации проекта: это признается всеми исследователями. «Показательным отличием риторики китайских авторов от риторики их российских коллег и европейских является именно акцент на том, как на реализацию проекта “Один пояс – один путь” влияют культурные и институциональные различия. Так, китайский автор Л. Чжан для описания отмеченных культурных и институциональных различий при приграничном сотрудничестве, использует термины “культурная дистанция” и “институциональная дистанция”. Культурная дистанция определяется как различия между национальными культурами Китая и сотрудничающих с ним стран, которые влияют на степень взаимодействия. Институциональная дистанция – это степень сходства или различий между уровнем экономического развития сотрудничающих стран. <...> И если исследования, посвященные культурной дистанции в приграничных регионах, по-видимому, демонстрируют определенный оптимизм в плане развития дальнейших отношений России и Китая, то анализ институциональной дистанции, несомненно, говорит о больших проблемах в этой области» [Бернюкевич и др., 2018. С. 118].

На самом деле, институциональные различия культуры характерны не только для описания отношений России и Китая, но и применительно к отношениям Китая и любого другого государства Центральной Азии: неутрачивающий конфликт в Синцзяне – лучшее тому доказательство (см., например: [Ананьина, 2018]). Опыт Синцзяна и Тибета также подсказывает, что, столкнувшись с проблемой институционального культурного конфликта в Центральной Азии, китайская сторона не будет пытаться вникнуть в возникшие противоречия в культурной идентификации жителей подконтрольных территорий. «В китаеццентристской модели этническая проблематика возможна лишь как проблематика обочины, окраины. Здесь китайцы действуют в традиционной для себя манере “слабого руководства варварами”, демонстрируя сугубо прагматический подход к решению проблем межнационального и межкультурного взаимодействия. Строго говоря, сама идея этнического эссенциализма (в любой из его форм) китайцам довольно чужда» [Чистанов и др., 2018. С. 13].

Представляется, что наиболее уязвимыми с точки зрения воздействия этнокультурной политики китайской стороны становятся самые бедные страны региона: Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан. Россия и Казахстан, будучи экономически более самостоятельными, скорее должны опасаться увеличения потока мигрантов из данных стран, поскольку они в силу длительного культурного взаимодействия и наличия многочисленных центральноазиатских диаспор могут оказаться более привлекательными для населения данных территорий, нежели оказавшиеся под фактическим китайским протекторатом районы традиционного проживания.

Развал Советского Союза и неравномерное экономическое развитие новых независимых государств, а также эскалация локальных конфликтов в Центральной Азии приводит к увеличению миграционного трафика как внутри макрорегиона, так и между регионом и сопредельными государствами. В этих условиях появление и реализация глобальных инфраструктурных проектов типа «Нового Шелкового пути» (“One Belt One Road”) становится для территорий и государств региона одновременно и уникальным шансом получить импульс к развитию, и существенной угрозой их этнической, конфессиональной и культурной идентичности.

Список литературы / References

Аксютин Ю.М. Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 162–174.

Aksyutin Yu. M. Transformation of personal identity structure in the regions of post-Soviet Russia and its impact on interethnic relations: the cases of the republics of Tuva, Khakassia and Altai [Vliyaniye transformatsii struktury identichnosti zhitelei regionov postsovetsoy Rossii na kharakter mezhetnicheskikh otnosheniy (na primere Tuvy, Khakasii, Altaya)]. *The New Research of Tuva*, 2016, no. 2, p. 162–174. (in Russ.)

Ананьина Д. А. Идентичность представителей этнических меньшинств в условиях этнокультурного конфликта (на примере уйгурского этноса СУАР КНР): Дис. ... канд. филос. наук / Забайкальский гос. ун-т. Чита, 2018. URL: http://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Anan'ina/Dissertaciya_Ananinoj_D.A..pdf (дата обращения 30.11.2020).

Ananyina D. A. Identity of representatives of ethnic minorities in the conditions of the ethnocultural conflict (on the example of the Uigur ethnos of SUAR People's Republic of China) [Identichnost predstaviteley etnicheskikh menshinstv v usloviyakh etnokulturnogo konflikta (na primere uygurskogo etnosa SUAR KNR)]: PhD Thesis. Transbaikal State Uni., 2018. (in Russ.) URL: http://zabgu.ru/files/html_document/pdf_filesfixed/Anan'ina/Dissertaciya_Ananinoj_D.A..pdf (accessed: 30.11.2020).

Анжиганова Л. В., Топоева М. В. Хакасы в условиях глобализации: ментальные деформации // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 100–111. DOI 10.25178/nit.2017.3.6

Anzhiganova L. V., Topoeva M. V. Khakasses under the conditions of globalization: mental deformations [Khakassy v usloviyakh globalizatsii: mental'nyye deformatsii]. *The New Research of Tuva*, 2017, no. 3, p. 100–111. (in Russ.) DOI 10.25178/nit.2017.3.6

Бернюкевич Т. В., Сунь Ян, Головко Н. В. Культурно обусловленные стратегии и аспекты исследования инициативы «Один пояс – один путь» // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2018. Т. 8, № 4. С. 109–125. DOI 10.15293/2226-3365.1804.07

Bernyukevich T. V., Sun Yan, Golovko N. V. Cultural strategies and aspects of research the “One Belt One Road” initiative [Kul'turno obuslovlennyye strategii i aspekty issledovaniya initsiativy “Odin poyas – Odin put’”]. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, vol. 8, no. 4, p. 109–125. (in Russ.) DOI 10.15293/2226-3365.1804.07

Ван И. Внутреннее цивилизационное содержание «Одного пояса, Одного пути» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9, № 6. С. 76–87. DOI 10.23932/2542-0240-2016-9-6-76-87

Wang Yiwey. Internal Civilizational Content – Civilizational [Vnutrennee tsivilizatsionnoe soderzhanie “Odnogo poyasa, Odnogo puti”]. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 2016, vol. 9, no. 6, p. 76–87. (in Russ.) DOI 10.23932/2542-0240-2016-9-6-76-87

Зуенко И. Ю. Реализация политики Центра в китайских регионах: некоторые аспекты проблемы (в контексте строительства Нового Шёлкового пути) // Изв. Восточного института. 2016. № 2. С. 4–12.

Zuenko I. Yu. Center-Local Relations in China: some aspects of the problem (in the context of Silk Road Economic Belt development) [Realizatsiya politiki Tsentra v kitayskikh regionakh: nekotorye aspekty problemy (v kontekste stroitel'stva Novogo Sholkovogo puti)]. *Oriental Institute Journal*, 2016, no. 2, p. 4–12. (in Russ.)

Зуенко И. Ю. Один «Пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане (2014–2017) // Россия и АТР. 2018. № 1. С. 118–132.

Zuenko I. Yu. One “Belt”, Two Roads: Perception of China’s Integration Initiatives in Russia and Kazakhstan (2014–2017) [Odin “Poyas”, dva puti: vospriyatiye kitayskikh integratsionnykh initsiativ v Rossii i Kazakhstane (2014–2017)]. *Russia and the Pacific*, 2018, no. 1, p. 118–132. (in Russ.)

Ким Е. В. Особенности процессов трудовой миграции в Центральной Азии (на примере республик Узбекистан и Казахстан) // Вестник Том. гос. ун-та. 2017. № 419. С. 133–137. DOI 10.17223/15617793/ 419/17

Kim E. V. Features of labor migration in Central Asia (on the example of The Republic of Uzbekistan and The Republic of Kazakhstan) [Osobennosti protsessov trudovoi migratsii v Tsentral'noy Azii (na primere respublik Uzbekistan i Kazakhstan)]. *Tomsk State University Journal*, 2017, no. 419, p. 133–137. (in Russ.) DOI 10.17223/15617793/419/17

Крестьянова Л. С. Межэтнические отношения и миграционные процессы на региональном уровне: проблемы и основные тенденции развития // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 815–825. DOI 10.17059/2016-3-17

Krestyanova L. S. The interethnic relations and migration processes at the regional level: problems and main tendencies of development [Mezhetnicheskiye otnosheniya i migratsionnye protsessy na regional'nom urovne: problemy i osnovnye tendentsii razvitiya]. *Economy of Region [Ekonomika regiona]*, 2016, vol. 12, iss. 3, p. 815–825. (in Russ.) DOI 10.17059/2016-3-17

Хамидулин В. С. Теоретические подходы к исследованию проблем инкорпорации иммигрантов в принимающее сообщество // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 1. С. 49–60.

Khamidulin V. S. Theoretical perspectives in immigrant incorporation research [Teoreticheskie podkhody k issledovaniyu problem inkorporatsii immigrantov v primimayushcheye soobshchestvo]. *Humanities Research in the Russian Far East*, 2016, no. 1, p. 49–60. (in Russ.)

Чистанов М. Н., Чистанова С. С., Маслова Т., Кудряшов И. С. Проблема построения новых теоретических моделей межкультурного взаимодействия в контексте реализации проекта «Нового Шелкового пути» // Вестник Новосибир. гос. пед. ун-та. 2018. № 1. С. 158–172. DOI 10.15293/2226-3365.1801.10

Chistanov M. N., Chistanova S. S., Maslova T., Kudryashov I. S. Problem of creation of new theoretical models of cross-cultural interaction in the context of implementation of the New Silk Road initiative [Problema postroyeniya novykh teoreticheskikh modeley mezhkul'turnogo vzaimodeystviya v kontekste realizatsii proyekta "Novogo shelkovogo puti"]. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, no. 1, p. 158–172. (in Russ.) DOI 10.15293/2226-3365.1801.10

Kay C. Andre Gunder Frank: 'Unity in Diversity' from the Development of Underdevelopment to the World System. *New Political Economy*, 2011, vol. 16, no. 4, p. 523–538. DOI 10.1080/13563467.2011.597501

Материал поступил в редколлегию (Received) – 30.11.2020

Статья принята к публикации (Accepted) – 17.12.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Чистанов Марат Николаевич

доктор философских наук

заведующий кафедрой философии и культурологии, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

Marat N. Chistanov

Doctor of Sciences (Philosophy)

Head of the Department of Philosophy and Culturology, Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

maratchistanov@gmail.com

ORCID 0000-0001-9002-5604